

Хилари Пилкингтон

«Чем больше это обсуждается, тем больше к этому влечет»: размышления о дискурсивном порождении поколенческого опыта

Концепт «поколения» занял несколько маргинальное положение в академических исследованиях, посвященных социальным и культурным переменам [Edmunds, Turner 2002: 1]. Подобное небрежение социологическим изучением поколений является парадоксальным, учитывая упорное продуцирование соперничающих поколенческих ярлыков — «поколение X», «поколение Y», «поколение сети», яппи, поколение хип-хопа, «химическое поколение», «миллениаллисты» — циркулирующих в СМИ и повседневном дискурсе для описания разных аспектов опыта (нередко частично совпадающих друг с другом) групп населения. Пытаясь недавно вернуть к жизни социологию поколений, Эдмундс и Тернер отметили, что *«не классы, а поколения сформировали современное культурное, интеллектуальное и политическое мышление»* [Там же: 118]. Их понимание «поколения» основывается на данном Карлом Мангеймом объяснении того, как благодаря общему опыту травматического исторического события возникает поколенческое сознание, и экспликации Моррисом Хальбваксом того, как подобное со-

Хилари Пилкингтон
(Hilary Pilkington)
Университет Варвика,
Великобритания

знание поддерживается и цементируется коллективной памятью и ритуалами, а также на идее Пьера Бурдьё относительно того, как в результате межпоколенческой борьбы за скудные ресурсы порождаются социальные и культурные сдвиги [Там же: 116]. Новое обращение к концепту «поколения» для понимания социальных изменений, полагают Эдмундс и Тернер, является существенным, поскольку террористические атаки 11 сентября на Нью-Йорк и Вашингтон приведут к возникновению нового, «сентябрьского поколения», которое бросит вызов культурной гегемонии поколения шестидесятников.

В свете этих заявлений настоящая статья нацелена на исследование того, какую помощь может оказать концепт «поколения» для понимания социального опыта молодежи в современной России. Статья начинается с краткого обсуждения некоторых теоретических и дефиниционных проблем, возникающих тогда, когда теории «поколения» привлекаются для социологического изучения опыта молодежи. Затем я перейду к детальному исследованию представления о молодежи как о «химическом поколении», используя материалы конкретной работы, посвященной употреблению наркотиков молодыми людьми в современной России.

Академическая борьба за контроль над территорией: социология молодежи vs. социология поколения

Для социологов молодежи новое обращение к теории поколения является особенно проблематичным. Одна из причин этого связана с теоретической стагнацией, характеризовавшей данный концепт. С одной стороны, это привело к его употреблению неакадемической публикой и вымыванию собственно концептуального смысла термина благодаря, например, широкому и нестрогому использованию этого слова в выражениях вроде «молодое поколение». Это приводит в отчаяние социологов молодежи, поскольку прививает общественному сознанию эссенциалистское представление об опыте, приобретенном в определенном возрасте и в определенный исторический момент, а следовательно, оказывается препятствием для понимания на более теоретическом уровне социального конструирования «молодости» как жизненного периода, а также того, если это вообще имеет место, какую роль во всем этом играет биологическая категория «возраста». С другой стороны, для социологов молодежи, обеспокоенных исключительно академическим бытованием данного термина, концепт «поколение» остается теснее всего связанным с описанием связей в цепи социального и культурного наследования, в частности, с работами С.Н. Эйзенштадта, для которого поколения являются средством передачи социальных и культурных норм [Eisenstadt

1956]. Эта тесная связь концепта «поколения» со структурно-функционалистским пониманием молодежи и молодежной культуры, в соответствии с чем внутривоколенческие горизонтальные связи являются не более чем механизмом социализации и аккультурации, нацеленным на сохранение социальной стабильности, оказывается значимой, поскольку подрывает тот аспект мангеймовского представления о поколении, который часто привлекает современных социологов молодежи, а именно, трансформационного потенциала поколенческой идентичности.

Более общей проблемой, связанной с использованием понятия «поколение», является проблема дефиниционная, а не теоретическая. Это вопрос о том, является ли данный концепт техническим демографическим описанием группы людей, родившихся в таком-то промежутке времени, или он описывает исторический период (культурное поколение), и если это так, то какие взаимоотношения должны устанавливаться между выстраиванием границ культурного поколения и характеристиками возраста. Возьмем, например, общепринятое понятие «поколение Тэтчер» в Великобритании: состоит ли это «поколение» из всех тех, кто жил в эпоху правления Тэтчер, или только тех, кто родился в эту эпоху, или же тех, кто принадлежал к определенной возрастной категории, когда Тэтчер была премьер-министром. Для большинства же людей последнее является естественным, подобное определение предполагает, что опыт людей определенного возраста был сформирован именно жизнью в эпоху Тэтчер. Следовательно, возникает вопрос о том, как «поколение» соотносено с концептом «молодежь» как особым возрастом.

Решение этих дефиниционных проблем, к которому пришли Эдмундс и Тернер, заключается в том, чтобы дифференцировать «хронологические» и «социальные» поколения, в соответствии с чем хронологическое поколение обозначает просто «контингент» и определяется как группа людей, родившихся в одно и то же время и таким образом обладающих теми же возможностями, доступными в данное время в истории [Edmunds, Turner 2002: IX], тогда как собственно «поколением» является *«возрастная группа, которая обретает социальное значение благодаря выстраиванию своей культурной идентичности»* [Там же: 7]. Для Эдмундса и Тернера это именно вопрос о том, как группа становится поколением, что превращает «поколение» в категорию, интересную для социологов.

Понимание процесса трансформации группы в поколение не лишено, однако, своих собственных проблем, в значительной степени потому, что это идет против, так сказать, социологи-

ческого течения — поверх классов, гендера, этнических и прочих «участков» внутри конкретной демографической группы населения. Это имеет значение, поскольку подобные различия четко формируют, если не определяют, способность молодых людей производить социальные изменения, как и тот тип изменений, который они будут стремиться реализовать. В то время как возможность возникновения разных реакций на общий опыт среди молодых людей, формирующих то же самое «актуальное поколение», учтена Мангеймом, говорящим об особом «генерационных единицах» [Mannheim 1952: 306], это не помогает понять внутриспоколенческую борьбу за то, что именно считать определяющим для поколенческого сознания. Например, являются ли террористические атаки сами по себе травмой, определяющей для «поколения сентября», или же, напротив, определяющим является ответ американской администрации и ее союзников на эти атаки? Каковы они, так сказать, основания этого поколенческого сознания? Заключаются они в признании негативных последствий терроризма для жизни конкретного индивидуума [Edmunds, Turner 2002: 117] или же в осознании империализма американской внешней политики и негодовании, которое испытывают по отношению к ней многие в мире?

Таким образом, этнические, религиозные, классовые и гендерные «участки» оказываются в высшей степени значимыми для понимания истоков, соответствующих ресурсов, а также компетенций этих генерационных единиц. Более того, для социологов молодежи понимание того, как эти категории пересекаются и включают субъектное позиционирование и идентичность молодежи, является центральным в теории и практике социологии молодежи. То, что общие молодежные практики, такие как потребление, следует понимать как отчетливо генерационные реакции на конкретные проблемы, связанные с классовой укорененностью, а не как отражение трансклассового поколенческого опыта, например, оказывается фундаментом важного понятия «молодежной субкультуры», развиваемого сотрудниками Центра современных Cultural Studies в Бирмингеме [Cohen 1972]. Хотя недавние критические выступления против классового редукционизма, лежащего в основе идеи «молодежной субкультуры», представляются оправданными [Bennet 1999; Muggleton 2000], теоретики поколения игнорируют на свой страх и риск проблемы власти, сегментации и неравенства, которые возникают в связи с этим представлением [Pilkington, Johnson 1999].

Последняя проблема, встающая перед социологами молодежи, стремящимися вернуть понятие «поколение», заключается в том, что данный концепт жестко вписан в социологию модер-

ности. Это становится очевидным благодаря постоянному вниманию к тому, как сознание поколения в качестве коллективной идентичности развивается из индивидуальных идентичностей, а также благодаря представлению о том, что в роли активного действующего лица в этом процессе выступает небольшая страта «интеллектуалов», формирующая знание и действующая исходя не из своих экономических интересов [Edmunds, Turner 2002: 118]. В информационно насыщенной ситуации поздней модерности подобный подход упускает из виду «рефлексивное» измерение, оказывающееся решающим для понимания отношений между индивидуумом и обществом. Эдмундс и Тернер действительно обращают внимание на значимость того, что они называют «вовлекающими в участие» глобальными коммуникациями, которые способствуют возникновению поколенческого сознания благодаря глобальной общности опыта. Но им не удается ухватить центральную роль этих СМИ в конструировании (и деконструировании) сознания через порождение, циркуляцию и отбрасывание поколенческих ярлыков. Если говорить конкретно, подобный подход не в силах оценить последствия работы этих самых СМИ, пишущих о «поколении сентября», для возникновения поколенческого сознания. За последние двадцать лет социологи молодежи детально и неоднократно обсуждали значение дискурсивного конструирования молодежи, (ре)продуцируемого не только бульварной прессой, но и академическими, правительственными, правовыми и образовательными институтами и укорененного в материальных отношениях, приводящих к безвластию, беспомощности [Hebdige 1988; Griffin 1997; Kelly 2000; Mizen 2003]. Любое понятие «поколения», которое может использоваться как элемент социологии молодежи эпохи поздней модерности, должно, следовательно, всерьез учитывать дискурсивное продуцирование «поколенческого опыта» и строиться на осознании того, что поколенческий субъект (молодой человек) понимает и артикулирует свой опыт не вне дискурсивной сферы, но критически работая с ней. Более того, это предполагает необходимость более широкого, более сложного представления о поколенческом субъекте, чем страта «интеллектуалов», равно как и отказ от любых предпосылок относительно доминирования политического в определении поколенческого сознания.

«Поколенческое сознание» и молодежь в постсоветской России: дискурсивные конструкции

Специфическое место «молодого поколения» как революционного авангарда в советских нарративах модернизации хорошо документировано [Pilkington 1994; Омельченко 2004]. Важ-

ное место, которое занимает «поколение» в общественном дискурсе, в немалой степени является продуктом недавней русской истории, которая преподнесла ряд формирующих поколения событий — революция 1917 г., индустриализация, Великая Отечественная война, «оттепель» и распад Советского Союза, — пригодных для подобного использования. Однако даже в «спокойные» периоды истории России XX в. молодое «поколение» ритуально упоминалось в качестве объекта социализации и держателя эстафетной палочки в следующем забеге «эстафеты», ведущей к модернизированному совершенному состоянию (коммунизму) [Pilkington 1998: 10], что придавало актуальность «поколению» одновременно в официальном и неофициальном дискурсах¹. Таким образом, в отличие от Запада, где считалось, что «пассивные» поколения регулярно сменяют «активные» [Edmunds, Turner 2002: 117], в России в этой пассивной роли оказалось только *«последнее советское поколение»* [Yurchak 2006: 31]²; точнее говоря, только в случае этого поколения определяющий для поколения опыт (взросление в эпоху «застоя») оказался значимым ретроспективно, т.е. после распада Советского Союза.

Алексей Юрчак рассматривает это поколение парадоксальным образом, как совершенно неготовое к исчезновению всего того, что было ему знакомо, и одновременно как замечательно подготовленное к этому [Yurchak 2006: 1], однако официальный дискурс трактовал группы молодых людей — подростков и юношей — в эпоху поздней перестройки и раннего постсоветского периода иным образом. К концу 1980-х и началу 1990-х гг. молодежь описывалась в официальном дискурсе как морально дезориентированная, экономически и социально маргинализованная и политически апатичная [Pilkington 1996: 201–207], как «потерянное» и «невостребованное» поколение [Саясова 1990]. Это представление о «потерянном поколении» ухватывает видимую, очевидную сторону поколенческого сознания, укорененного в опыте группы людей, чья жизнь была лишена моральных норм и социальных констант, которые считаются необходимыми для того, чтобы стабилизировать и без того «штормовые» подростковые годы. То, что этот опыт действительно считался значимым для первого постсоветского поколения, можно увидеть в недавнем исследовании, авторы которого Виллиамс, Чупров и Зубок отмечают, что специфическое совпадение в России сдвига от премодерности и простой мо-

¹ Такое понимание «поколения» лежит в основе и структурно-функционалистского, западного подхода, о котором речь шла выше.

² Юрчак определяет его как поколение родившихся между 1950-ми — началом 1970-х гг. и ставших взрослыми людьми между 1970-ми и серединой 1980-х гг.

дерности к рефлексивной модернизации с переходом к постсоветскому обществу породило набор особых порождающих риски факторов, сделавших молодых людей неспособными к «интеграции» и, таким образом, «обреченными на неудачу и деградацию» [Williams, Chuprov, Zubok 2003: 160]. В свою очередь, на более популярном уровне роман Виктора Пелевина «Generation P» описывает формирующее сознание первого постсоветского поколения опыт как существование в коммунистической реальности, насыщенной визуальностью, однако не утоляющей духовной жажды [Пелевин 1999].

Постсоветский общественный дискурс, однако, является гораздо более фрагментированным, чем его советский предшественник, и почти столь же внутренне многообразным в определении поколенческого сознания, как и опыт тех, кто повзрослел в первое десятилетие постсоветской эпохи. С учетом тех центробежных сил, которые подталкивали российское общество на протяжении последних пятнадцати лет, социологам понадобится немалая храбрость для того, чтобы объявить, что именно этот опыт — возрождение религиозной веры, глобализация горизонтов, исчезновение безопасности или вернувшаяся национальная уверенность в себе — может в конце концов рассматриваться в качестве определяющего для сознания первого постсоветского поколения¹. Избегая подобной предсказательной социологии, я хотела бы обратиться в данной работе не к проблеме поколенческого сознания самого по себе, но к конкретному поколенческому опыту, который многими считается определяющим и — буквально — изменяющим сознание — к так называемой «наркотизации» молодежи.

В то время как лишь немногие скажут, что употребление наркотиков является единственным определяющим опытом первого постсоветского поколения, эта особенность оказывается чрезвычайно важной для характеристики этого поколения в том, что одновременно отделяет его от последнего советского поколения и связывает с глобальным «химическим поколением» [Hammersley, Khan, Ditton 2002] повзрослевших в 1990-е гг., а также тех, для кого употребление наркотиков в качестве рекреационной практики сходным образом описывалось как «нормальное» [Parker et al. 1998]. Обратившись к материалам эмпирического исследования российской молодежи, принад-

¹ Я использую термин «последнее советское поколение», имея в виду «перестроечное поколение», т.е. молодых людей, повзрослевших (достигших 15–25-летнего возраста) в течение последних нескольких лет советского режима (1985–1991), тогда как под «первым постсоветским поколением» я понимаю тех молодых людей, чье взросление пришлось на эпоху после 1991 г. В соответствии с соображениями, высказанными в первой части статьи, те «поколения», о которых я говорю, на самом деле представляют собой демографические группы. Вопрос о том, являются они «поколениями» или нет, остается открытым.

лежавшей к последнему советскому поколению и первым постсоветским группам 15–25-летних, я продемонстрирую, что дискурсивно молодых людей репрезентируют как «потребителей наркотиков» — что это отличает их в плане опыта от молодежи эпохи перестройки. Более того, я покажу, что на эмпирическом уровне употребление наркотиков является гораздо более «рутинным» для сегодняшних молодых людей, чем для молодежи конца советского периода. Кроме того, я продемонстрирую, что различные реакции сегодняшних молодых людей на насыщенность молодежной культурной среды наркотиками подрывают любое заявление о том, что употребление наркотиков является поколенчески определяющим. В то же самое время исследование того, как молодые люди «работают» с дискурсивным конструированием своего поколения в качестве «наркотизированного», иллюстрирует мысль, высказанную ранее относительно проблематичной природы концепта «поколения». Рефлексивная работа молодых людей по дискурсивному конструированию себя как поколения может быть ближе к некоему общему поколенческому опыту, чем к так называемому определяющему опыту самому по себе.

**Употребление наркотиков
в позднесоветский и постсоветский периоды:
от маргинального статуса к мейнстриму**

Дискурсивное конструирование молодых людей, взрослых в конце 1980-х гг., указывает лишь на маргинальное положение наркотиков. Разговор о наркотиках возник в контексте гласности, уничтожившей «табу» на разговоры о «пятнах» советского общества. Чаще всего наркотическая тема возникала в форме «исповедей» от первого лица в молодежных газетах и журналах, таких как «Комсомольская правда», «Собеседник» и «Московский комсомолец», в романах вроде «Плахи» Чингиза Айтматова, а также в документальном и художественном кино вроде «Легко ли быть молодым?» [Pilkington 1994: 109]. Первое в СССР социологическое исследование, посвященное потребителям наркотиков, было проведено в Грузии между 1969 и 1974 гг. и повторено в 1984–1985 гг., однако результаты были опубликованы лишь с началом перестройки [Габiani 1990: 11]. Будучи по-своему первопроходческим, данное исследование было жестко оформлено при помощи дискурса криминальности и девиантности и поэтому затрагивало лишь небольшое число «маргинальной» молодежи.

Преобладание криминологического дискурса при разговоре об употреблении наркотиков было усилено во время перестройки; однако в конце 90-х гг. сюда добавились медицинский и психологический дискурсы, а затем, в таких областях, как

работа неправительственных организаций, они начали доминировать при разговоре об употреблении наркотиков [Richardson 2002]. Верно, конечно, что советская система отнюдь не стремилась придавать гласности свидетельства своих «неудач» [Kramer 1991: 94], в то же самое время ограниченная дискуссия, посвященная употреблению наркотиков, действительно отражала тот факт, что в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. употребление наркотиков оставалось все еще маргинальным явлением на молодежной культурной сцене. В 1988 г. в советской прессе были опубликованы официальные цифры о количестве «зарегистрированных наркоманов» — всего 130000 человек [Габиани 1990: 9]; даже принимая во внимание предупреждение Габиани о том, что на каждого зарегистрированного наркомана приходилось скорее всего 10–12 незарегистрированных, отсюда еще довольно далеко до 4 % населения России, которые, по заявлению Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, страдают «наркоманией» сегодня [ИТАР ТАСС 2005]. Тем не менее употребление наркотиков диспропорционально преобладало среди молодежи. В 1989 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко заявил, что свыше 60 % зафиксированных наркоманов являются молодыми людьми [Мироненко 1989]. Мое собственное небольшое этнографическое исследование молодежных групп, проведенное в Москве в 1988–1991 гг.¹, также засвидетельствовало наличие проблемы и употребление наркотиков посредством инъекций. Группа панков призналась в сознательном «неправильном употреблении» лекарств, которые они получали как часть «лечения» психических заболеваний [Pilkington 1994: 220]; эти информанты были тесно связаны с кругами, в которых регулярно употреблялся *винт*². Панковская классификация потребителей *винта* и *наркоманов* дает занятный пример всепроницающего характера доминирующего дискурса. Панки пытались представить свое собственное «субверсивное», «сопротивленческое» злоупотребление прописанными им лекарствами в качестве отличающегося от «проблемного» употребления наркотиков любителями *винта*, хотя этнографические наблюдения показали, что они, когда им предлагали, употребляли этот наркотик.

И все же молодежная культурная сцена Москвы в последние несколько лет советского режима выделялась отсутствием ру-

¹ О деталях и методологическом базисе данного исследования см.: [Pilkington 1994: 199–215].

² Винт — матамфетаминный раствор, получивший распространение на молодежной культурной сцене России в 1980-х гг. Активный его компонент — эфедрин — выделяется из сока эфедры и является компонентом многих продаваемых без рецепта и по рецепту лекарств, таких как сиропы от кашля. Он или «варится» дома, или продается в ампулах или одноразовых шприцах для внутривенных инъекций.

тинного «рекреационного» употребления наркотиков и разговоров об этом. Бросалось в глаза также присутствие чего-то вроде движения «straight edge»¹.

Проницаемость границ, последовавшая за распадом СССР в 1991 г., впервые сделала возможным широкий доступ к наркотикам, включая широкое распространение дешевого героина из Центральной Азии. Поэтому молодые люди, попадавшие на молодежную культурную сцену в середине 1990-х гг. (в отличие от тех, кто попал туда в середине 1980-х гг.), оказывались в атмосфере, в которой наркотики стали вездесущими [Pilkington 1996: 241]. Продажа и употребление наркотиков в недавно возникших клубах оказывались в значительной степени неконтролируемыми (или скорее контролировались теми, кто на этом наживался), а рассказы о смерти от передозировки или самоубийствах, связанных с наркотиками, стали общим местом [Там же]. Эти наблюдения подтверждаются официальными российскими данными. Цифры Министерства здравоохранения показывают увеличение в 17 раз «подростковой наркомании» за период между 1991 и 2001 гг. [Кошкина 2003: 126], в то время как Служба ООН по наркотикам и преступности считает, что свыше двух третей «наркоманов» — люди младше тридцати лет [The United Nations Office on Drugs and Crime 2003: 22]. Эти данные отражают именно проблему наркозависимости, так как они основаны на количестве молодых людей, официально проходящих лечение от наркозависимости, при этом они дают дополнительные доказательства того, что целый ряд наркотиков употребляется в России все больше и более широкой, чем когда бы то ни было, представительной группой молодых людей. В статье, озаглавленной «Поколение, которое теряет Россия», Александр Арефьев рассказывает об исследовании, проведенном Центром социологических исследований при российском Министерстве образования (июнь 2001 г.), в котором он участвовал [Арефьев 2002]. Арефьев занимался изучением употребления наркотиков среди молодых людей (12–22 лет), основываясь на репрезентативных выборках, сделанных в крупных городах и региональных центрах России. Данные свидетельствуют о том, что все молодые люди (независимо от того, употребляли ли они сами наркотики) осведомлены об употреблении наркотиков, а 44,7 % от их общего числа

¹ «Straight edge» обычно обозначает ответвления панковского движения и движения поклонников тяжелого рока, которые сознательно отказываются от таких элементов рок-н-роллной идентичности, как «наркотики и секс», выбирая вместо этого образ жизни, при котором они воздерживаются от курения, алкоголя, употребления наркотиков и «беспорядочных» половых связей [Wood 2003]. Однако это название можно равным образом применить к нормам, о которых говорит группа, занимавшая центральное место в моем этнографическом исследовании 1991 г., — *стиляги*.

экспериментировали с наркотиками по крайней мере один раз, причем почти 8 % являются наркозависимыми¹. В наиболее взрослой группе (18–22 года) среди исследуемых число людей, пробовавших наркотики, возросло до 60 %, а «наркозависимых» — до 13 %. Этот уровень пробовавших близок к уровню Великобритании, где 50–60 % молодых людей экспериментировали с запрещенными препаратами к 18 годам [Parker et al. 1998: 152]. Это показывает, что, несмотря на тот факт, что рост распространения наркотиков начался в России приблизительно на 10–15 лет позже, чем в Западной Европе, эксперименты с наркотиками и их употребление в равной степени знакомы сегодняшним молодым людям.

Сходные социологические результаты, однако, оказали весьма различное влияние на дискурс. Исследование Паркера и др., посвященное употреблению наркотиков среди молодых людей на северо-западе Англии, стало причиной изменений академического, а затем и общественного дискурса. Признание широкой распространенности экспериментов с наркотиками и их употребления привело к социологической (а до некоторой степени и юридической) рекатегоризации некоторых наркотиков как «рекреационных», что было основано на новых представлениях о контексте — о том, какие типы наркотиков употребляются молодыми людьми и как. Напротив, в России эти результаты способствовали тому, что академический дискурс ушел от изучения «наркомании» молодых «маргиналов» к «наркотизации» [Журавлева 2000] или *наркотизму*² [Стожарова 2003] молодежи в целом.

В то время как данный подход фокусирует внимание на мониторинге интенсивностей употребления и его типов среди населения в целом, многим социологическим исследованиям так и не удается установить различия между типами наркотиков, частотой и способами их употребления. Это отлично иллюстрируется постоянным обращением к общему обозначению «наркоман», используемому по отношению к потребителям наркотиков независимо от характера привыкания, связанного с тем или иным препаратом, или частотой и продолжительностью употребления. Хотя у данного правила существуют исключения [Маликова 2000; Омельченко 1999; Омельченко 2000], этот недифференцированный подход широко внедряет-

¹ Наркозависимость определяется как «употребление наркотиков по крайней мере раз в два дня», хотя никаких различий между типами наркотиков, а также их относительной способностью вызывать привыкание не проводится.

² Эти термины широко используются в российской социологии: *наркомания* означает употребление наркотиков в медицинском смысле; *наркотизм* — степень употребления и его характер [Габiani 1990: 214].

ся в публичный дискурс через сообщения в СМИ, документацию местных администраций, а также образовательную систему; это приводит к тому, что границы исходного социального феномена становятся шире, а кроме того, всячески педалируется необходимость и высокая степень социального контроля, необходимого для «контроля» над наркотиками [Cohen 1987]. Более того, в отличие от описанных выше западных дебатов, в которых молодые люди рассматриваются в качестве активных субъектов действия, осуществляющих потребительский выбор в том, что касается наркотиков, в России их употребление представляется следствием серии перемен, пережитых российским обществом, по отношению к которым молодые люди оказались особенно «уязвимыми» [Арефьев 2002: 1]. Потребление наркотиков, таким образом, представлено не как сознательный выбор, но как ситуация, в которую молодые люди оказываются загнанными вследствие неудачной адаптации к социальным и экономическим трансформациям [Williams, Chuprov and Zubok 2003: 104; Быков 2000: 48]. Это может представляться в качестве «*девиантного поведения*», компенсирующего скудость опыта [Журавлева 2000: 43], или отражения «*нравственного тупика*» постсоветского общества [Стожарова 2003: 108]. Конечно, анализ публичного дискурса (включая сюда и академический) об употреблении наркотиков требует гораздо более дифференцированного подхода. Как отмечает Е. Омельченко, на самом деле доминирующий дискурс включает в себя определенное количество особых, однако смыкающихся друг с другом дискурсивных линий: «городской фольклор», укорененный в «народной» мудрости, придающей остроту повседневным разговорам и текстам СМИ; «моральная паника», распространенная среди журналистов, педагогов, родителей и профессионалов, занимающихся лечением наркомании и образованием; академический дискурс, в котором представлено «научное» знание об употреблении наркотиков; государственный дискурс, расставляющий политические приоритеты и указывающий на ресурсы, связанные с решением «наркотической проблемы», а также экспериментальный дискурс, основанный на рассказах о личном опыте и практическом знании относительно употребления наркотиков [Омельченко 2005; Омельченко 2006]. Этот публичный дискурс не представляет собой «моральной паники» в простом смысле слова. Однако для разговора о «поколенческом опыте» важно отметить: факт того, что теперь гораздо более широкие слои молодежи оказались обладающими определенным наркотическим опытом, не повлиял на доминирующий дискурс о наркотиках. Употребление их продолжают представлять исключительно как «проблематичное», и таким образом рекатегоризации подверглось не употребление наркотиков, а ны-

нешнее поколение молодых людей — в качестве поколения «наркотизированного» и потому «потерянного».

Методы

Во второй части настоящей статьи я воспользуюсь материалами социологического исследования, чтобы напрямую обратиться к вопросу о том, можно ли говорить об особой группе молодых россиян, рожденных в последние годы советского режима (их школьные, студенческие и первые трудовые годы прошли в атмосфере, насыщенной наркотиками), как о «наркотизированном» или «химическом» поколении. Эмпирические данные, на которых основывается данная работа, получены в результате исследования, проведенного в Российской Федерации в 2002–2003 гг.¹ Полевые исследования проводились в трех регионах страны — Краснодарском крае, Самарской области и Республике Коми² — и в трех городах внутри каждого региона³. В проекте использовались три основных методики сбора данных: опрос, интервью и этнографическое исследование⁴.

Опрос проводился на основе репрезентативной для региона выборки, сделанной среди 14–19-летних (n=2914), с которыми мы встречались в образовательных учреждениях каждого из девяти мест, где осуществлялись полевые исследования⁵. Полуструк-

¹ Данное исследование было проведено при финансовой поддержке ESRC (Ref. R000239439), полное описание исследования доступно в электронном виде, см.: [Pilkington 2004]. Это совместный проект Бирмингемского и Ульяновского университетов. Разработчиком и руководителем с британской стороны выступала Хилари Пилкингтон, с российской — Елена Омельченко. Настоящая статья написана Хилари Пилкингтон, однако основана на исследовании, проведенном целой командой, состоявшей из автора, Елены Омельченко, Эрики Ричардсон, Натальи Гончаровой, Евгении Лукьяновой, Ольги Доброштан, Ирины Костериной и Эльвиры Шарифуллиной. В полевых исследованиях нашей команде помогали Светлана Ярошенко, Олег Оберемко, Дмитрий Нецаевский, Александр Шехтман и Светлана Тесля.

² Данные регионы выбирались с таким расчетом, чтобы отразить географический размах от крайнего юга до крайнего севера страны и охватить все многообразие наркотических рынков России: Краснодарский край граничит с Черным морем на юге России и является областью естественного роста конопли; Самарская область располагается в волжском регионе Европейской России и представляет собой центральный перекресток, где сходятся пути наркотрафика из Афганистана в Западную Европу, и, наконец, Республика Коми — климатически суровый Крайний Север России, регион, в котором нет своих областей выращивания наркотических средств, удаленный от обычных путей наркотрафика.

³ В каждом случае одним из мест полевых исследований был второй по величине город региона — Воркута, Тольятти и Сочи — а два других — города среднего размера (50000–120000 жителей). В Республике Коми этими городами были Ухта и Печора, в Самарской области — Чапаевск и Отрадное, в Краснодарском крае — Белореченск и Славянск-на-Кубани.

⁴ Экспертные интервью с персоналом основных инстанций, занятых просвещением в области наркотиков, проводились в Воркуте, Тольятти и Сочи и составили дополнительную, хотя и особую часть проекта. Данные этой части исследования в нашей статье не привлекаются.

⁵ Я лишь вкратце затрагиваю эти данные в настоящей статье; более детально результаты и методологическая основа этой части исследования представлены в: [Pilkington 2004].

турированные интервью (n=95) проводились параллельно с опросами в каждом из городов. Респондентам было предложено поучаствовать в 45–90-минутных интервью, проходивших после ответов на анкету. Интервью проводились анонимно сразу после заполнения анкеты, обычно в пустом классе, школьном дворе или на скамейке рядом со школой или же в другом (публичном) месте в удобное для респондента время. Все интервью были зафиксированы, транскрибированы и проанализированы при помощи ATLAS.ti с использованием общей схемы кодирования. Этнографические исследования проводились в трех местах — Сочи, Воркуте и Чапаевске — при участии 19-ти связанных друг с другом дружескими отношениями групп молодых людей. Весной 2003 г. в каждом из этих мест проживал молодой исследователь. Первоначально контакты завязывались с респондентами, предложившими свою помощь во время проведения опроса или интервью, однако в дальнейшем исследователи попадали — благодаря респондентам — в их дружеские компании и не были ограничены критерием «квоты». Таким образом участники, вовлеченные в этнографическую часть проекта, иногда оказывались моложе 14 и старше 19 лет. Перед началом полевой работы подспорьем для исследователей стали два рабочих семинара, а кроме того, они пользовались мобильными телефонами и Интернет-кафе для поддержания постоянной связи. Каждый исследователь составил дневник наблюдений и предложил основным респондентам помочь исследованию, составив свои собственные дневники (в письменной или аудиоформе). Помимо этого, исследователи и респонденты включили в свои дневники фотографии, а также собрали местные артефакты, вроде постеров, флайеров и музыкальных записей.

Мой анализ основывается прежде всего на нарративах молодых людей, полученных во время интервью, а также на наблюдениях и интервью, сделанных во время этнографического исследования. Анализ показывает, что взаимоотношения между поколенческим опытом и поколенческим сознанием являются проблематичными в двух отношениях. Во-первых, молодежь не принимает пассивно свое дискурсивное позиционирование как «наркотизированной», но активно относится к дискурсу, размышляет над ним, перерабатывает его. Во-вторых, реакции молодых людей на насыщенную наркотиками атмосферу, с которой они сталкиваются, являются разнообразными, в зависимости от пола, региона, возраста и групповых норм, присущих сверстникам. Это многообразие реакций на столкновение с наркотиками иллюстрирует важность индивидуальной (и коллективной) рефлексивности для понимания того, как люди реагируют на социальные перемены в социуме поздней модерности. Такое понимание дискурсивных взаимоотно-

шений между представителями «поколения» и преобладающими дискурсами является, как указывалось, существенным, если концепт «поколенческого сознания» считать актуальным для общества поздней модерности.

Наркотическое поколение?

Иллюзия дискурсивной однородности

Нет сомнения, что нынешнее дискурсивное позиционирование молодого поколения в России как «наркотизированного» весьма влияет на то, как молодые люди говорят о самих себе, по крайней мере, когда они говорят о себе как о «поколении» в целом. Поэтому когда респонденты говорят о людях, с которыми сталкиваются в рамках молодежной культуры, т.е. о «молодежи» вообще, то о наркотиках они говорят как о «вездесущих», а молодежь вообще представляется как знакомое с наркотиками и употребляющее их поколение. Цифры, полученные в результате опросной части исследования, показывают, что 27 % всех респондентов или знакомы с наркозависимыми людьми, или осведомлены о ценах на наркотические средства¹ в местах досуга, которые они посещают. Интервью с молодыми людьми также показывают, что они рассматривают свои столкновения с употреблением наркотиков в местах досуга как обыденные, «повседневные».

Однако в то же самое время, воспроизводя доминирующий дискурс о «молодом поколении» как о целом, респонденты стараются позиционировать себя в рамках «морального большинства», осуждающего подобное поведение. Поэтому большинство респондентов (56 %) считают, что присутствие наркотиков в центрах досуга делает подобные центры *непривлекательными*; в интервью многие из них говорят о присутствии «наркоманов» как об основании для того, чтобы не посещать подобные места. Следующие респонденты — один из Воркуты, другой из Тольятти — иллюстрируют это, описывая местные центры досуга, которые хорошо известны тем, что их посещают наркоманы (а также торговцы наркотиками), в то же самое время дистанцируя от них свои собственные практики досуга:

Инф. *У нас самое наркоманское место — это... (название досугового центра). Там каждый второй наркоман и каждый третий банкует.*

Соб. *Что значит банкует?*

¹ Из тех, кто сталкивался с употреблением или продажей наркотиков в местах тусовок, почти две трети (65,9 %) говорят, что этим наркотиком является конопля, тогда как 21,9 % говорят о героине. Столкновения с прочими «рекреационными» наркотиками, такими как экстази и другие амфитамины, что можно было бы ожидать встретить в молодежной среде, оказываются минимальными.

Инф. *Продает наркотики. А так, не знаю. Очень мало процентов ходит туда, из тех, кого я знаю, а знаю я многих.*
(Воркута, молодой человек, 18 лет, «регулятор»¹.)

Соб. *А чем не понравилось?*

Инф. *Ну как? Там наркоманы есть, потом девчонки снимаются — мне это не понравилось.*

Соб. *Наркоманы как? Ты прямо увидела, что наркоманы или как?*

Инф. *Ну они прям сидят обкуренные, не знаю, ничего, ни слова не могут сказать, мне такие не понравились люди... А вот мужчины там все обкуренные постоянно.*
(Тольятти, девушка, 18 лет, «отказник».)

Тем не менее, даже когда существует максимум континуальности между доминирующим и молодежным дискурсами, выстраивание однородного дискурса об употреблении наркотиков в России является иллюзорным. Молодые люди, как и широкая публика, обращаются дифференцированно ко многим дискурсивным линиям доминирующих представлений об употреблении наркотиков, конструируя свое собственное понимание связанных с ними проблем [Омельченко 2005: 81]. Более того, реакции молодежи на доминирующий дискурс об употреблении наркотиков оказываются в высшей степени многообразными, в зависимости от пола, региона, образования и этнического происхождения. Однако прежде всего различия вносятся благодаря собственному наркотическому опыту молодых людей (и их друзей).

Респонденты, у которых отсутствует личный (или семейный, или связанный с близкими друзьями) наркотический опыт, воспринимают информацию, полученную от «экспертов» (преподавателей, специалистов по наркотикам, правоохранительных органов) как абсолютную истину и рассматривают действия правоохранительных структур как необходимые и эффективные. Подобные «отказники» в отличие от «разовиков» и «регуляторов» свои знания о наркотиках получают главным образом из медиадискурса. Вследствие этого данная группа

¹ Сведения о респондентах включают место проживания, пол, возраст и характер употребления наркотиков. Характер употребления определяется ответами на вопрос, задававшийся во время интервью, когда респондентам было предложено выбрать одно из 14 описаний их личного наркотического опыта. Эти ответы использовались для того, чтобы классифицировать респондентов по четырем категориям. «Отказники» — респонденты, выбравшие описание «никогда не пробовал и не попробую» или «экспериментировал с наркотиками, однако сейчас воздерживаюсь»; «разовики» — респонденты, описывающие свой наркотический опыт как один или несколько одноразовых «экспериментов» с наркотиками; «регуляторы» — это те, кто описывает свой опыт как многократное или регулярное употребление; «будущие» — это те, кто сегодня является отказником, но не исключает, что может употреблять наркотики в будущем.

артикулирует исключительно «девиантный» образ потребителей наркотиков, который в значительной степени зависит от «моральной паники», представленной в СМИ и усиленной городской мифологией. «Отказники» представляют себе употребление наркотиков как явление, свойственное конкретной «группе риска», которая включает одновременно людей из «неблагополучных семей» и семей богатых. Первая категория описывается как принимающая наркотики, «чтобы уйти от своих проблем», тогда как вторая употребляет их от скуки или от «нечего делать». В первом случае виноваты родители, во втором — сами наркоманы. Причинами, которые приводят молодые «отказники», почему они сами не пробовали наркотики, являются забота о своем здоровье и будущем, родительский контроль, а также групповые нормы, включая мощную стигматизацию «других» групп, в которых наркотики принимают.

«Отказники», которые не только воздерживаются сами, но и имеют друзей которые не принимают наркотики, включают в определение «потребителей наркотиков» тех, кто употребляет все виды подпольных препаратов, включая коноплю. Они с большей вероятностью будут говорить о «наркотиках» вообще, чем о конкретных наркотиках. Однако те, у кого есть друзья, курящие коноплю, стараются исключить ее из своих представлений о незаконных препаратах даже тогда, когда в целом не различают «слабые» и «сильные» наркотики. В то же время даже группы «отказников» до некоторой степени выказывают осведомленность о наркотиках. Нарративы, циркулирующие внутри дружеских компаний, содержат связанные с наркотиками термины и выражения, относимые прежде к специфическим субкультурам. Респонденты, изображая себя в качестве людей, осведомленных о наркотиках (поскольку это придает им вес как знающим молодежную культуру), пресекают любые намеки на то, что они на самом деле их употребляют.

Нынешние «отказники», экспериментировавшие с наркотиками в прошлом, отличаются от «абсолютных» отказников в своем гораздо более сильном стремлении полагаться на медицинский дискурс об употреблении наркотиков (рассматривающий это как болезнь, подлежащую лечению) и в большей степени считать виновными в решении обратиться к наркотикам дружеские компании (а не самих индивидуумов). Они объясняют свое употребление наркотиков в прошлом как единичное, бессмысленное, как эксперимент, ставший результатом «ситуации». Подобные респонденты нередко говорят об «отсутствии эффекта», которые оказали на них наркотики, для того чтобы объяснить свое решение больше не повторять эксперимент.

С возрастом и/или в силу все более частых столкновений с наркотиками или с их употреблением в рамках дружеской компании респонденты оказываются перед лицом все больших противоречий между доминирующим дискурсом и личным опытом. Многие из этих молодых людей описывают себя как «разовиков», хотя их «эксперименты» с наркотиками могут быть и повторены, что делает границу между разовиками-экспериментаторами и теми, кто употребляет наркотики время от времени, очень тонкой. Эти респонденты повторяют доминирующий дискурс — «наркотики — это плохо» (это незаконно, вредно для здоровья), «это ненормально», однако проговаривают открыто и в деталях наркотические практики «других». «Моральная паника», таким образом, сменяется прагматическим отношением к «проблеме», а разговор об опасностях наркотиков вообще — разговором о конкретных разновидностях наркотиков. Они вводят различия между «слабыми» и «сильными» наркотиками и на самом деле удаляют употребление «слабых» из референтного слоя доминирующего (негативного) дискурса. Об употреблении конопли, в частности, говорят таким образом, чтобы указать, что в некоторых регионах (особенно там, где конопля произрастает в диком состоянии) ее употребление стало нормальным. Поразительным является повседневное употребление таких выражений, как «пойти покурить», что часто не позволяет отличить коноплю от сигарет.

Эта позиция становится очевидной в рассказе респондента, который дает понять, что, с одной стороны, употребление конопли *«нормально, кто не пробовал, все пробовали»* (Белореченск, молодой человек, 17 лет, «разовик»), а с другой — приемлемо лишь в том случае, когда не связано с зависимостью. Так, он описывает свой собственный опыт с наркотиками в прошлом как мотивированный исключительно рекреационными импульсами: *«Ну просто так, чтобы пойти накуриться — нет»*. Это показывает, насколько остро «разовики»-экспериментаторы стараются отличать свой собственный наркотический опыт от опыта тех, кого они описывают как «наркоманов». Последняя группа подается как или потребители героина, или люди, которые употребляют наркотики чаще респондента. Так, экспериментатор с коноплей, которого я уже упоминала, выделяет потребителей сильных наркотиков в качестве группы людей, с которой его друзья избегают всяческих контактов, говоря о них как о «конченных».

«Экспериментаторы», как правило, не придерживаются точки зрения городского фольклора на молодых людей, втянутых в употребление наркотиков; они рассматривают решение принимать наркотики как неотъемлемую часть нормальной социальной «ситуации»: *«Кто-то принесет. Ну пойдём, ладно, по-*

пробуем» (Тольятти, девушка 16 лет, «экспериментатор») — или как результат индивидуального выбора, осуществленного «из любопытства». Поэтому многие молодые люди, попадающие в эту категорию, описывают свой наркотический опыт как «эксперимент», а многие приписывают свое решение прекратить употреблять наркотики тому, что любопытство было удовлетворено. Другие говорят о разочаровании своими первыми экспериментами, о страхе зависимости или желании быть здоровыми и активными (особенно в спорте) как об основной причине. Эта группа экспериментировала прежде всего с коноплей и рассматривала употребление этого типа «легких наркотиков» в качестве нормального, если следовать той шкале частотности, которую они сами использовали. Кроме того, представители данной группы весьма склонны говорить о том, что могут обратиться к наркотикам и в будущем и не считают, что разговор о наркотиках (за исключением героина) является запретным.

«Регуляторы» также являются большой группой, которая варьирует от тех, кто употребляет наркотики время от времени, но регулярно, до тех, кто употребляет их часто и хаотически. Большинство респондентов, относящихся к данной категории, являются потребителями конопли, хотя в Тольятти и Чапаевске мы обнаружили потребителей героина, а в Воркуте — пользователей *винта*. Во всех трех городах Краснодарского края все «регуляторы» предпочитали коноплю, хотя некоторые экспериментировали с другими наркотиками (включая героин) наряду с постоянным употреблением конопли. Регуляторы говорят о частых разговорах по поводу употребления наркотиков внутри дружеских компаний, и их рассказы, судя по детальным описаниям их собственных наркотических практик, свидетельствуют об обширном наркословаре. Эти рассказы демонстрируют, что употребление конопли является групповой деятельностью, нацеленной, в частности, на укрепление мужской солидарности. Напротив, винт и героин не принадлежат к групповым практикам, и даже эксперименты с героином описываются как в высшей степени личные. Как правило, ими не делятся с другими.

Интересно, что даже среди регуляторов намек на значимость «ситуации» остается сильной техникой нейтрализации. Из рассказов регуляторов становится очевидно, что никто никогда не покупает наркотики для себя. Наркотики используются скорее ситуационно («как получается»), а не из сознательного желания или «необходимости». Это важно, поскольку позволяет респондентам отделить свои собственные наркотические практики от «наркомании». Так, девушка, которая не считает, что употребляла наркотики, поскольку не рассматривает ко-

ноплю в качестве наркотика, описывает типичную ситуацию, в которой могла бы употреблять коноплю:

Соб. *А что они тебе говорили, когда предлагали?*

Инф. *«Пошли, накуримся», «Пошли».*

Соб. *А где вы курили?*

Инф. *И в подъезде было, и на улице было. Где только не было!*

Соб. *А вот если вспомнить вот эту ситуацию, когда ты курила, что это был за повод?*

Инф. *Никакого повода, просто чтобы отдохнуть, не знаю, обычный вечер.*

(Чапаевск, девушка, 16 лет, «регулятор».)

«Регуляторы» не считают себя «наркоманами». «Наркоманы» считаются асоциальными, некультурными и криминализованными; чаще всего о них говорят как о «конченных». Такое конструирование «наркомана» говорит о страхе физической деградации, заражения СПИДом, а также неэстетичных следах инъекций, которые сдерживают употребление «сильных наркотиков», что явствует из различия, проведенного следующим респондентом, между людьми, подобными рассказчику (потребители конопли), и «наркоманами»:

Я наркоманов вообще не считаю за людей. Не такие, которые траву курят, гашиш, такие легкие..., а которые уже более крепко сели на дно. Их и алкоголиков. Они показывают свою слабость, они просто сами сдаются и ничего от них уже нельзя ожидать. Они для себя уже просто конченные. Они живут, зря проживая свое время.

(Воркута, молодой человек, 18 лет, «регулятор».)

Техники нейтрализации среди этой группы являются многочисленными, и, взятые в целом, они работают на то, чтобы вывести употребление конопли из доминирующего дискурса о наркотиках. Специфические повествовательные техники включают упоминание широко распространенного повседневного употребления конопли (это особенно верно в Краснодарском крае). Не очень серьезные последствия для здоровья, связанные с употреблением конопли по сравнению с алкоголем (водкой); не столь асоциальные характеристики конопли (в частности, отсутствие связи с агрессивным поведением); отсутствие привыкания; а также легальный статус конопли в некоторых странах. Если в дружеской компании респондента есть потребители героина, это часто работает в качестве механизма оправдания наркотических практик респондента; употребление героина выставляется относительно более рискованным.

Отношение к тем, кто употребляет сильнодействующие наркотики, варьируется от безразличия до жесткой критики. Для некоторых респондентов потребители героина — это люди, перешедшие границу того, что является «нормальным», но при этом обогащенные новым жизненным опытом и, таким образом, заслуживающие уважения. Другими эксперименты с героином рассматриваются как первый шаг вниз, ведущий к утрате индивидуумом свободы (тюрьма), здоровья, друзей и семьи, а в потенциале и жизни (передозировка, СПИД и т.д.). Двойственность по отношению к экспериментам с героином является результатом столкновения между доминирующим и молодежным дискурсами, когда доминирующее дискурсивное конструирование наркомании, являющееся результатом единственного эксперимента, сталкивается с молодежными дискурсами, в которых грань между экспериментом и регулярным употреблением оказывается гораздо тоньше. Напротив, молодежный и доминирующий дискурсы сходятся вместе и усиливают друг друга в отношении концепта зависимости; зависимость является определяющей чертой «наркомана».

Однако респонденты-«регуляторы» гораздо менее последовательны в том, как они выделяют «наркомана», исходя из частоты употребления или разновидности употребления. Единственно последовательно подвергающаяся остракизму группа — это те, кто колются; и часто она сужается до тех, кто колется героином; что превращает колющихся винтом и нюхающих героин в потенциально «нормальных». Эта группа рассказывает о механизмах контроля над употреблением, нацеленных на то, чтобы избежать зависимости или чтобы «слезть», если зависимость возникла. Так определение «наркомана» смещается среди «регуляторов» и начинает идентифицироваться с «зависимостью», при этом понимается как прямой результат неудачного контроля над дозой. Следующая выдержка из рассказа респондента, регулярно употреблявшего героин (сначала нюхавшего, затем перешедшего к инъекциям), иллюстрирует этот нарратив контроля:

Инф. Не знаю, может как-то по случайности, потому что на это времени не было, а в дальнейшем я ну... как-то осознал, что к этому можно привыкнуть, поэтому сам себя контролировал.

Соб. Как ты контролировал?

Инф. Ну как... скажем, дня три подряд я поупотреблял, сам для себя говорю: «Можно привыкнуть, пожалуй, хватит, пойду лучше пива попью», и все, никаких проблем.

Соб. А знакомый твой..?

Инф. (перебивает) Он точно так же.

Соб. Точно так же? А сколько он может потреблять и как-то не перебарщивать?

Инф. Ну вот уже года 3—4.

Соб. То же самое?

Инф. Да.

Соб. А вот среди твоих знакомых были те, кто регулярно употреблял, а потом у него получилось бросить?

Инф. Да, это не так сложно на самом деле, как говорят. Не знаю, может, там где-нибудь в Москве или в Петербурге, там другого качества... наркотики, и от них сложнее отвыкнуть. Здесь это не так, — просто, чувствуешь, что скатываешься, — завязываешь, потеряешь пару дней, все нормально.

(Тольятти, молодой человек, 18 лет, «регулятор».)

«Нормализация» наркотиков среди молодого населения, таким образом, не указывает на формирование четкого поколенческого, одобряющего употребление наркотиков субкультурного мира, противопоставленного «взрослым» неодобрительным нарративам. Скорее мы сталкиваемся с молодыми людьми, на общем уровне принимающими то, что их «поколение» — это поколение, употребляющее наркотики, и воспроизводящими доминирующий дискурс о негативном и всепроникающем присутствии «наркотиков» и тех, кто их «употребляет». Однако на индивидуальном и групповом уровнях они трансформируют доминирующие дискурсы о наркотиках через переформулирование, мифологизацию, сопротивление, отвержение, насмешку, критику и вульгаризацию.

В то время как молодые люди подтверждают, что столкновение с наркотиками и опыт такого рода являются общими для молодого поколения, они отвергают ключевую идентификацию с субъектом этой деятельности, который является «наркоманом». Никто из респондентов не называл себя так; для «отказников», «разовиков»-экспериментаторов и «регуляторов» результатом любого вопроса о тех, кто употребляет наркотики, для чего в русском языке есть стандартное слово «наркоман», являлось немедленное дистанцирование от этого референта. Нарративы фокусировались на различиях между «нормальными» людьми и «наркоманами», где последние описывались как «конченные» в том, что касалось их жизненных перспектив. Так, анализ нарративов самих молодых людей о наркотиках среди своих сверстников показывает, что молодые люди подтверждают доминирующий дискурс, указывающий на то, что наркотики и «наркоманы» являются реальной социальной проблемой и проблемой, которая особо связана с их

«поколением». Однако, будучи признанной, проблема связывается с «другим» девиантным молодым населением и оказывается не связанной с их собственным опытом употребления наркотиков или экспериментов с ними. В этом смысле дискурсивное конструирование поколенческого опыта сопряжено с рефлексией молодых людей, вследствие чего их персональный опыт отделяется от «поколенческого» «места».

Поколение наркотиков?

Употребление наркотиков и решение их употреблять

В данном разделе мне хотелось бы более конкретно обратиться к взаимоотношениям между дискурсом и поведением, поместив то, что молодые люди говорят об употреблении наркотиков, в контекст их собственных решений употреблять наркотики. В другом месте я анализировала западный дискурс о молодежи и наркотиках, в рамках которого молодые люди подаются как рефлексивные индивидуумы, чья вовлеченность в «экспертные системы», информирующие о рисках, связанных с употреблением наркотиков, позволяет им осуществлять выбор проинформированного «потребителя» относительно наркотиков [Pilkington 2007]. Напротив, современный российский дискурс виртуально уравнивает «информированность» или «знакомство» с наркотиками с девиантностью. Арефьев [2002] отмечает, что определяющим различием между этим поколением молодых людей и более ранними является то, что *«современная российская молодежь (в отличие от представителей среднего и старшего возраста) прекрасно информирована о наркотиках»*, и употребляет слово *«знакома»*, имея в виду, что молодежь экспериментировала с наркотиками. Западный дискурс уделяет слишком много внимания индивидуальному, потребительскому, замешанному на товарно-денежных отношениях характеру решения употреблять наркотики. Российский дискурс придает чрезмерное значение массовому «поколенческому» аспекту употребления наркотиков и считает молодых людей не очень способными на индивидуальное (или коллективное) сопротивление насыщенной наркотиками среде, в которую они попадают. Теперь я хотела бы кратко проиллюстрировать то, как многообразие реакций на столкновение с наркотиками среди молодых людей, а также групповой контекст этих реакций, напротив, демонстрируют активное, одновременно индивидуальное и коллективное отношение и даже сопротивление тому, чтобы стать «химическим поколением».

Эмпирическое исследование, на котором основывается данная статья, подтверждает высокий уровень информированности молодежи относительно наркотиков, а также высокий

уровень незащищенности от наркотиков и наркотического дискурса независимо от собственного наркотического опыта. Однако говорит ли эта «информированность» о том, что молодые люди сами употребляют наркотики и идентифицируют себя с «химическим поколением»? Статистическая часть исследования показала, что, несмотря на свою осведомленность относительно наркотиков и столкновения с ними, почти 80 % опрошенных никогда их не употребляли, а из 20 %, которые употребляли наркотики, 80 % случаев составляют употребление конопли¹. Большинство молодых людей принимают решение употреблять наркотики в результате активного отношения к позиционированию поколения как «наркотизированного» или даже неприятия этого. Решения, которые на самом деле принимают молодые люди, а также альтернативные нормы, нарративы и дискурсы об употреблении наркотиков, которые молодые люди вырабатывают, чтобы принять эти решения, тем не менее весьма варьируются, и именно о разнообразии того, как молодые люди участвуют в разговорах о наркотиках, принимая эти решения, и пойдет речь ниже.

Для тех, кто воздерживаются от употребления наркотиков, разговоры такого рода часто оказываются исключенными из дискурсивного репертуара группы в качестве средства защитить группу от их проникновения или свести весь разговор о наркотиках к фигуре «наркомана» как объекту насмешки или ненависти:

Не, не рассказывали, у нас такие темы про наркотики не ведет. Насмешки, как это сказать... Не воспринимают всерьез этих наркоманов. Их просто все ненавидят.

(Тольятти, молодой человек, 18–19 лет, «отказник».)

Однако, когда у респондентов больше опыта общения с молодежью, принимающей наркотики, они могут развивать более критическое отношение и к доминирующему типу разговора о наркотиках, и к дискурсу сверстников. Следующий респондент, например, указывает, что внимание СМИ к наркотикам само по себе пробуждает «нездоровый» интерес к ним у молодых людей:

Инф. *Да, как-то не принято про наркотики. Чем больше это обсуждается, тем больше к этому влечет, понимаешь.*

Соб. *То есть, ты считаешь только в узком кругу или вообще обсуждается в прессе?*

¹ Наши цифры показывают более низкий процент тех, кто пробовал наркотики, чем другие проводившиеся недавно в России замеры. Статистическое исследование, результаты которого приводит Арефьев, говорит, например, о том, что только 55 % молодых людей (12–22 лет) ни разу в жизни не пробовали наркотиков.

Инф. *Мне кажется, если бы это обсуждалось меньше, наркоманов стало бы гораздо меньше.*

Соб. *Хорошо, спасибо. А как ты лично относишься к тем, кто употребляет наркотики?*

Инф. *Я их просто не замечаю, они мне ничем не мешают.*
(Славянск, молодой человек, 17 лет, «отказник».)

Отказники, однако, иногда используют разговор о наркотиках для выработки коллективных норм, которые становятся критериями для принятия в группу и исключения из нее:

Ну да, говорили, что если, допустим, кто-то начинает принимать наркотики, то дружбы никакой быть не может.
(Сочи, молодой человек, 14–15 лет, «отказник».)

Подобные нормы могут работать как механизмы давления на индивидуумов и, если необходимо, исключения их из группы:

Да есть у нас девочка, она села на «колеса». И предлагала всем, но мы ее бросили. Она сейчас у себя там где-то на Сочи... Мы ей говорили, тебе это не нужно, Света [псевдоним], на фиг оно тебе нужно. Она, ну я типа не могу без этого.
(Сочи, девушка, 14–15 лет, «отказник».)

Напротив, те молодые люди, которые экспериментировали с наркотиками время от времени или регулярно, сами говорят о наркотиках не в проблемном, а в рутинном ключе:

Ее не обсуждают как проблему, ее обсуждают как нормальное явление.
(Ухта, девушка, 16 лет, «регулятор».)

Внутри групп тех, кто употребляет наркотики, групповые нормы устанавливаются таким образом, что они нейтрализуют или нормализуют некоторые типы употребления наркотиков (например, конопля, а не героин, курение, а не инъекции).

А пацаны наши, они уже берут на всю толпу. Нормальное количество, и там, по-моему, не укуришься сильно, так, чтобы было нормально. Ну, конечно, они не каждый день курят. Каждый из них может спокойно отказаться, каждый.
(Ухта, девушка, 16 лет, «регулятор».)

Соб. *А как ты относишься к тем, кто подсел серьезно и тяжело на наркотики?*

Инф. *Я с ними вообще разговаривать не могу, я их не воспринимаю.*

Соб. *А как ты их узнаешь?*

Инф. *Я по зрачкам определяю. Зрачки маленькие. У них сразу*

глаза такие, такие — перламутровые. И зрачки маленькие-маленькие. Ну и по голосу тоже.

(Ухта, девушка, 16 лет, «регулятор».)

Здесь следует отметить две вещи. Во-первых, независимо от того, насколько частыми, нормальными или рутинными стали разговоры о наркотиках и столкновения с ними для молодежи, молодые люди не являются пассивными носителями этого дискурса. В целом дискурсивно молодое поколение позиционируется как «наркотизированное». Между тем большинство ни разу не употребляло наркотики. А если брать все «молодое поколение», можно говорить о том, что существует столько же позиций относительно наркотиков, сколько существует людей (начиная от тех, кто никогда не пробовал, у кого никогда не было контактов с теми, кто пробовал, кому никогда не предлагали, и вплоть до тех, кто является регулярным потребителем, а также тех, кто в прошлом был наркоманом, а теперь не употребляет наркотики). Поэтому представление о едином «химическом поколении» оказывается откровенно ничего не объясняющим. Однако неспособность молодых людей адаптировать «массовую», «поколенческую» субъектную позицию не следует интерпретировать в качестве свидетельства того, что их решение относительно наркотиков принимается совершенно индивидуально. Наркотический дискурс опосредован, а решения относительно наркотиков приняты прежде всего в контексте того, что с разговорами о наркотиках и с самими наркотиками молодые люди встречаются в дружеских компаниях. Это иллюстрируется рассуждениями нашей респондентки о том, сможет ли она экспериментировать с наркотиками в будущем:

Соб. *Ну если б тебе предложили, как ты говоришь, легкие наркотики, там, травку или что-то, ты бы отказалась или нет, или смотря в какой ситуации, смотря кто предложил?*

Инф. *Смотря в какой ситуации, наверное (смех).*

Соб. *Ну, а в какой бы ты сказала «да», а какой бы ты сказала «нет»?*

Инф. *Скорее всего «да» сказала бы, если бы люди, хорошо я их знаю, чувствую себя при них раскованно, уверенно, если незнакомые, то нет.*

(Тольятти, девушка, 18 лет, «отказник».)

Таким образом, независимо от того, решают молодые люди воздерживаться от наркотиков, поэкспериментировать с ними или употреблять их, для них дружеская компания является ключевым моментом, а также тем безопасным контекстом, в котором они принимают подобные решения.

Заключение

В данной статье упоминалось о том, что использование концепта «поколение» для понимания опыта современной молодежи является проблематичным в связи со значимой утратой данным термином концептуальной жесткости и четкости (в силу использования его в СМИ и популярном дискурсе для описания опыта нередко совпадающих друг с другом групп людей — опыта, касающегося всего чего угодно — от глобальных политических событий до технологических новшеств и популярных музыкальных жанров). Однако попытки (вроде предпринятой Эдмундсом и Тернером) отстоять концепт «поколение» для социологического анализа через выделение «подлинного» поколенческого опыта, очищенного в процессе конструирования знания социальной стратой интеллектуалов, характеризуются известной ограниченностью, поскольку этим подходам не удастся учесть условия общества эпохи поздней модерности, когда глобальные медиакоммуникации не только позволяют людям обладать общим «поколенческим опытом», но и сами по себе имплицитно присутствуют в конструировании этого опыта. Более того, меняющаяся природа этих медиа означает, что молодежь не только все больше и больше становится объектом дискурсивного позиционирования, но и вступает с ним в рефлексивные отношения, интерпретируя свой собственный опыт и вырабатывая позицию относительно образа жизни.

В данной статье представлен именно этот критический взгляд на данный концепт в связи с дискурсивным позиционированием молодежи как «химического поколения». Основываясь на эмпирическом исследовании, посвященном молодежи, взрослевшей в последние годы советского режима, а также тем, кто представляет собой «первое постсоветское поколение», я показала, что нынешние подростки гораздо лучше осведомлены о наркотиках, лучше знакомы с ними, легче относятся к употреблению их, более склонны к экспериментам с ними или их употреблению. Эта группа молодых людей также с большей вероятностью признает и подтвердит, что «их поколение в целом» является «наркотизированным». Однако, когда они говорят о своем собственном употреблении наркотиков или о подобном опыте своих друзей, а также осуществляют свой собственный выбор относительно наркотиков, поколенческая субъективность исчезает. Нарративы молодых людей об употреблении наркотиков становятся разнообразными и тесно связанными с их собственным наркотическим опытом; чем больше у них опыта, тем больше их нарративы бросают вызов, отклоняются от доминирующих дискурсов «наркотизированного» и «потерянного» поколения благодаря переопределению

своего собственного наркотического опыта вне данного, дискурсивно оформленного. Это означает, что молодежь обладает активным знанием о дискурсивном конструировании поколенческого опыта и рефлексивным отношением к нему и реагирует на дискурсивные конструкции, пользуясь информацией и выработывая стратегии. И если понятие «поколение» заслуживает возрождения, нам следует подумать о том, что поколенческое сознание коренится в той же мере в рефлексивном подходе к позиционированию поколения, как и в любом реальном поколенческом сознании, возникающем из опыта, общего для группы людей.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

Библиография

- Габриани А.А.* На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990.
- Омельченко Е.* Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004.
- Омельченко Е.* «По базару все видно». Практический молодежный наркословарь молодежи: между официальными дискурсами и нарративами // Гончарова Н., Доброштан О., Лукьянова Е., Костерина И., Омельченко Е., Пилкингтон Х. Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск, 2006. С. 72–88.
- Пелевин В.* Поколение «П». М., 1999.
- Саясова И.К.* Невостребованное поколение // Криминологи о неформальных молодежных объединениях / Под ред. И.И. Карпец. М., 1990. С. 56–62.
- Bennett A.* Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste // *Sociology*. 1999. Vol. 33. No. 3. P. 99–617.
- Cohen P.* Subcultural Conflict and Working-class Community [1972] // Gelder K., Thornton S. (eds.). *The Subcultures Reader*. L., 1997. P. 90–99.
- Cohen S.* *Folk Devils and Moral Panics*. Oxford, 1987.
- Edmunds J., Turner B.S.* *Generations, Culture and Society*. Buckingham, 2002.
- Griffin C.* Representations of the Young // Roche J., Tucker S. (eds.). *Youth in Society*. L., 1997. P. 17–25.
- Hammersley R., Khan F., Ditton J.* *Ecstasy and the Rise of the Chemical Generation*. L., 2002.
- Hebdige D.* *Hiding in the Light*. L., 1988.
- Kelly P.* Youth as an Artefact of Expertise: Problematising the Practise of Youth Studies // *Journal of Youth Studies*. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 301–315.
- Kramer J.* Drug Abuse in the USSR // Jones A., Connor W.D., Powell D.E. *Soviet Social Problems*. Boulder CO, 1991. P. 94–118.

- Mannheim K.* The Problem of Generations // Mannheim K. Collected works. 1997. Vol. 5.
- Mizen P.* The Changing State of Youth. Basingstoke, 2003.
- Muggleton D.* Inside Subculture. The Postmodern Meaning of Style. Oxford, 2000.
- Omel'chenko E.* «You can tell by the way they talk»: Analysing the Drugs Vocabulary of young people in Russia // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2006. Vol. 22. No.1. P. 54–72.
- Parker H., Aldridge J., Measham F.* Illegal Leisure. The Normalization of Adolescent Recreational Drug Use. L., 1998.
- Pilkington H., Johnson R.* Peripheral Youth: Relations of Identity and Power in Global/Local Context // European Journal of Cultural Studies. 1999. Vol. 6 [3]. P. 259–283.
- Pilkington H.* «The Future is Ours». Youth Culture in Russia, 1953 to the Present // Kelly C., Shepherd D. (eds.). Russian Cultural Studies. An Introduction. Oxford, 1998. P. 368–386.
- Pilkington H.* (ed.). Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. L., 1996.
- Pilkington H.* Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed. L., 1994.
- Williams C., Chuprova V., Zubok J.* Youth, Risk and Russian Modernity. Aldershot, 2003.
- Wood R.* The Straightedge Youth Sub-Culture: Observations on the Complexity of Sub-cultural Identity // Journal of Youth Studies. 2003. Vol. 6. No. 1.